

Духовно-исполнительские акценты в музыкальной теории

«Музыку я разъял, как труп», — признается пушкинский Сальери, вслед за музыкой убив и гения человечества. А начиналось все, исповедуется Сальери, с умерщвления звуков в исполнении: «Перстам придал послушную, сухую беглость».

Глубочайшая пушкинская мысль ставит нас перед выбором двух путей, двух педагогов, двух слухов, двух сознаний, двух теорий: мертвящей и живящей.

Призвание теории — жизнь. Само слово «теория» в этимологическом родстве со словом Теос, Бог. Бог же, говорит Христос, «не есть Бог мертвых, но живых».

В фазе подъема величайшей цивилизации теория, как известно, ценилась выше практики, ибо направляла слух к поискам небывалой красоты, сама черпая ее с Неба.

Теория есть умное видение истины, условие плодотворной прекрасной жизни. Лишенная же вдохновения, — оборачивается мертвящей квазитеорией.

Происходит это от предательства неотмирной божественной красоты. Человеку нужна небесная вертикаль. Без нее, учит Библия, он животное (Еккл. 3:18), а не умная Божья красота. Скотов Бог не творил по образу Своему, не вдыхал в них дух высшей жизни, не ждет от них богоуподобления в любви. Человек же без нее умирает. История конечна (Откр. 16:6), а нам заповедана вечность — океан божественной любви, в которую впадает река времени, испытывающего свободную волю людей. «Не спи, не спи, художник, не предавайся сну. Ты вечности заложник у времени в плену», — это Пастернак.

Теории музыки тоже нужна вечность. Слово «вечность» в индоевропейских языках не имеет отношения ко времени. Исходное его значение — сила.¹ Сила живая, живящая.

Все от Одного, а не Одно из многого, — догадались древние греки, их догадка подняла эллинскую цивилизацию. А нам заповедано блаженство в бесконечности недр Божественной жизни. Там, в живой беспредельности великие слова становятся неразлучимо-тождественными. Античные греки прозрели идею тождества бытия-мышления. Их робкий, предположительно-умственный, но не в опыте подтвержденный онтологизм в христианстве стал огненным, ибо открылась в нем всеединящая живительная любовь Божия. Вечность — атрибут Божественной природы, но также и Небесного Царствия, в которое призваны войти люди трудами жизни. Там истина, которая есть любовь Божия, там жизнь преизбыточествующая, там красота, которую богословие определяют как сияние славы Божией, условие и земной жизни. И все это одно.

¹ Его следы — в слове «увечный», изначально «бессильный»

Здесь ключевая установка высокой музыки и педагогики. Бах продиктовал ученику определение ее последней цели: служение славе Божией и освежение духа.

Отчего б не развернуть дивную теорию сверхгениев во всю ширь музыкальной педагогики от элементарной теории до гармонии, полифонии, формы, истории эпохальных стилей, музыкального исполнительства?

Тому препятствует упорство тьмы, сальерианское ожесточение слуха-сердца, нежелание открыться небесной красоте. Но есть и объективное затруднение, которое надо увидеть и преодолеть.

Оно состоит в недуховном понимании единства уникального и повторяющегося: музыкальной речи, представленной шедеврами и их исполнениями, и музыкального языка. Музыкальный язык — безбрежность повторяющихся элементов. Повторяются аккорды, функциональные обороты. В задачах по гармонии повторяется хоральный (молитвенный) склад с возможными фигурациями (подхватывающими энергиями духа).

Ключевой вопрос: мыслится ли языковая безбрежность как жизнь — или как смерть?

Музыкальный язык, слава Богу, — не разобранная на элементы речь, не кладбище винтиков и схем. Выстроенная из них музыкальная педагогика с необходимостью мертвила бы слух; от избытка классификаций атрофировалось бы драгоценное чувство формы, полифонии грозила опасность превратиться, говоря словами Бетховена, в искусство изготовления скелетов. Между речью и языком разверзлась бы непреходимая пропасть.

В высокой музыке смерти нет. Нигде. Вся она — чудо: как в уникальности шедевров, так и в языке. Музыкальный язык — мало сказать: живой. Он — океан воскрешающих нас божественных откровений.

Откровением оказывается уже сам неповторимый, услышанный с Неба, звук христианской цивилизации: сияющий, лучащийся любовью, не только лишенный горловых или иных зажатостей, но, напротив, льющийся в просторе свободы по заповеди, ибо пребывает в истине вечной жизни, в уповании Царствия. Святая теория христианской древности назвала его ангелогласным.

А полифония, тоже уникальнейшее явление на земле, — от земли ли? На земле не говорят хором. Полифония — небесная гостья, посланница Царствия, возвещающая о сладости вечной жизни в богообщении.

Трезвучие — могло ли открыться человечеству иначе, чем через христианскую цивилизацию? Оно — катехизис веры, символ трехипостасного единства: основной тон рождает терцию и квинту, свидетельствующие (через комбинационные тоны) об основном тоне. Так Бог своей абсолютной свободой определяет свое бытие как любовь, рождая в вечности Сына и испуская Духа, отвечающих Отцу любовью же.

В 325 году на Первом Вселенском Соборе еретики пытали православных: так все же один или три? Три или один? Потребовалось чудо свт. Спиридона Тримифунтского, чтобы утвердить догмат Единого в Троице Бога.

Можно б было показать еретикам трезвучие, будь оно тогда открыто. Оно — несомненно, единый аккорд, но сияют в нем три тона. Трезвучие — и образ нашей души: из непостижимости ума рождается мысль, которая может воплотиться в слове. Вместе с мыслью исходит дух этой мысли, о котором можно судить по интонации.

Трезвучие — и образ нашего единства в Боге. 16-минутная Пассакалия Баха — крест страданий Христовых, на котором вселенская скорбь преобразуется во вселенскую радость. Заключительный мажорный аккорд звучит мощно, ослепительно, ликующе во всех регистрах органа. В реальном звучании в нем множество звуков — словно все воскрешенное человечество в недрах Троической любви. Великое пророчество!

Что же такое аккорд? Язык или речь? Его онтологический статус выше разделений. В каком-то смысле выше и человека, раз способен звать и поднимать его в радость богочеловеческого соборного общения любви. Св. Максим Исповедник в аналогичных случаях писал о малых логосах бытия. Логос, единое Слово жизни, — Христос. А малые логосы бытия — потоки житнетворящих мыслей-энергий Божиих, лучи Солнца правды. Они единят сущее, зовя людей к Ипостасному Логосу. Если б не было их, как могли бы произведения столетиями их искать и раскрывать их вечный смысл? Язык красоты — дар Божий, хотя и обретается усилиями творческого слуха. Весь сотворенный мир в осиянии малых логосов бытия — одновременно и божественный язык, и речь Божественной любви-красоты.

При таком возвышенном логосном понимании музыкального языка во всех его мельчайших подробностях открывается его роль в искусстве звуков: лишь из языка божественных осияний могут вырастать шедевры композиторского творчества и гениальные исполнительские прочтения.

В непонимании сего — коренная ошибка и причина духовной трагедии пушкинского Сальери.

А сама ошибка откуда? Вопрос ведет к последнему выбору бытия.

Люди и ангелы созданы с даром богосознания — способностью видеть все взглядом Божиим, соответственно и жить. Чудному дару воспротивилось мировоззрение. Первым мировоззренцем стал первоангел Люцифер, чье имя значит «Светоносный». Но когда посмотрел на все мировоззренчески: не глазами Творца, а от себя, твари, — то превратился в сгусток тьмы, лжи и безобразия, соответственно получил новое имя дьявола. За ним во тьму ринулась треть ангелов, ставших мировоззренцами-хулиганами невидимого мира, а по отношению к людям — террористами. Первой мировоззренкой на земле согласилась стать Ева, затем Адам. Не покаявшиеся (ибо изнутри мировоззрения грех не виден), они поселены напротив рая, в труднейшие условия, чтобы в сравнении могли выбрать лучшее. Одновременно дано обетование Спасителя, Семени Жены, которое будет поражать змея-дьявола в голову. С тех пор история предстает как поле, на котором до жатвы вместе растут пшеница и плевелы. Богосознанием возвышается человечество, от мировоззрения чернеет.

Пушкинский Сальери соизволил определить себя как мировоззренца, пленившись плевельной мыслью: будто безбожное ремесло станет подножием к небесной красоте. Испугавшийся океана света — обречен на посредственность по сказанному: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». Христос говорит: «Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится» (Мф. 15:13).

Перед музыкальной теорией и педагогикой, как и перед всем человечеством с его культурой, до скончания века стоит коренной вечный выбор между жизнью в богосознании и смертью в мировоззрении. Писание советует: избери жизнь (Втор. 30:19).

Как в рамках теории музыки учить исполнителей избирать жизнь в океане божественной красоты и как устроен слух гениальных музыкантов, — я собираюсь показать в мастер-классе на тему «Музыка как чудо и исполнители как чудотворцы».